

Из слов женщины он в общих чертах понял, что произошло. Лю Синьцзэ не стал бы действовать по своей воле — наверняка муж этой женщины обманул Линь Мао. Тот, кого он любит, обязан оставаться кристально чистым.

— Он ушел? — Линь Мао очнулся от забытья. Мир перед глазами был серым, в коридоре стояла мертвая тишина, словно недавнего скандала вовсе не было.

— Да, полчаса назад.

— Как он?

— Это же кинозвезда! Тот взгляд, та сосредоточенность — казалось, во всем мире нет никого важнее тебя.

— Ему нужна лишь эта оболочка. Как думаешь, если я полосну себя по лицу парой шрамов, он все еще будет смотреть на меня с любовью с первого взгляда?

— Однозначно нет!

Глаза Линь Мао потемнели. Спустя долгое время он приоткрыл тонкие губы и произнес ясным, холодным голосом:

— Какой прогресс?

— Общий — шестьдесят процентов, сюжетная линия завершена. Далее основная цель — Го Цзян. Прошу, наш жалкий возлюбленный, продолжай стараться.

— Не тебе мне указывать! — уголки его губ изогнулись в зловещей усмешке. Он с нетерпением ждал будущего противостояния с Го Цзяном.

Действие успокоительного полностью закончилось. Было уже больше шести вечера. Линь Мао медленно открыл глаза. Он лежал неподвижно, лишь безучастно вращая глазными яблоками. В палате никого не было — пустота и мертвая тишина. Линь Мао, опираясь на локоть, медленно сел. Он поднял правое запястье и с полчаса смотрел на него, погрузившись в оцепенение. Наконец на его губах появилась странная, болезненная улыбка, и он, оскалившись, впился зубами в собственную кожу.

Казалось, он совсем не чувствует боли. Он вложил всю силу в то, чтобы рвать и грызть. Вскоре плоть на запястье разошлась, и хлынула кровь.

Мало, еще мало! Линь Мао продолжал яростно терзать себя зубами.

Его сердце разрывалось от боли, в груди было так тесно, что не хватало воздуха. Ему требовалась иная, острая и яркая боль, чтобы хоть немного заглушить эту муку, иначе он сойдет с ума. Линь Мао сидел на кровати, его правая рука безвольно висела вдоль тела, а кровь, непрерывно сочащаяся из раны, в мгновение ока превратила белоснежную простыню в жуткое зрелище.

Линь Мао лишь повернул голову и посмотрел в окно. Выражение его лица было пугающе безмятежным.

Когда Го Цзян, закончив работу, по привычке пришел в больницу с пакетом еды, кровь из запястья Линь Мао уже образовала на полу целую лужу.

Го Цзян бросил ужин и в ужасе бросился к нему. Он намертво зажал кровоточащее запястье Линь Мао, одновременно зовя врачей.

Медики тщательно обработали рану, а затем отвели Го Цзяна в сторону. Они предупредили, что Линь Мао, вероятно, получил слишком сильное душевное потрясение и в ближайшее время возможны новые акты самоповреждения, поэтому Го Цзяну следует быть начеку.

Вернувшись в палату, Го Цзян увидел, что Линь Мао смотрит в окно, оставаясь совершенно равнодушным, словно это не он только что калечил себя. Го Цзян не мог описать, что творилось у него на душе, — лишь чувствовал, как сердце болезненно сжимается.

— Это не твоя вина, тебе не нужно наказывать себя, — Го Цзян смотрел на Линь Мао с глубоким чувством. — Ты просто полюбил не того человека. В конечном счете, это он перед тобой виноват. Ты прекрасен, правда, Линь Мао. Если он тебя не ценит — это его потеря.

Линь Мао медленно повернул голову. Он улыбнулся, но улыбка вышла до боли горькой:

— Я прекрасен? В чем же? Соблазняю женатого мужчину, не даю прохода тому, кто уже создал семью. Я просто жалкий и никчемный. Ты правда считаешь меня хорошим? Эта шутка совсем не смешная.

— Нет, нет, Линь Мао, ты не никчемный. В любви нет места таким понятиям. Я понимаю тебя: ты слишком сильно его любил, любил смиренно, забыв о принципах. Отпусти его. Оглянись вокруг, возможно, есть кто-то, кто достоин твоей любви, — сказал Го Цзян.

— Кто-то другой? — Линь Мао печально усмехнулся и пристально посмотрел на Го Цзяна. — Ты имеешь в виду себя?

Го Цзян протянул руки и обхватил забинтованное запястье Линь Мао. Его движения были

мягкими, но решительными:

— Да. Я люблю тебя, Линь Мао. Тебе не нужно отвечать прямо сейчас. Позволь мне заботиться о тебе. Я буду добр к тебе, буду заботиться о тебе всю жизнь.

— Тебе не противно, что я грязный? Что другие мужчины были со мной?

— Ты не грязный. В моих глазах ты всегда был и остаешься самым чистым, — искренне произнес Го Цзян.

— А я считаю это тело грязным, — Линь Мао резко дернул рукой. Го Цзян побоялся применить силу, чтобы не навредить ему, и послушно отпустил.

— Иди домой. Я хочу побыть один, — Линь Мао лег обратно. Го Цзян стоял рядом, не двигаясь. Линь Мао слабо улыбнулся ему: — Не бойся, я не настолько глуп, чтобы по-настоящему покончить с собой. Если волнуешься, просто попроси медперсонал приглядывать за мной повнимательнее.

Сказав это, Линь Мао вытянулся на кровати, натянул одеяло до груди, сложил руки на животе и отвернулся к окну.

— ...Хорошо, отдыхай. Завтра я приду снова, — Го Цзян дошел до двери и внезапно обернулся. — Каждое слово, что я сказал, шло от чистого сердца. Я знаю, ты можешь не верить, но я докажу это своими поступками.

Го Цзян ушел, наказав медбрата, отвечающему за Линь Мао, следить за ним всю ночь и не допустить беды. Тот пообещал быть внимательным.

Вскоре медбрат зашел в палату. Линь Мао все еще лежал, но в его облике не осталось ни капли печали — только чистое, решительное безразличие. Он перевел взгляд на медбрата.

На этот раз это не было игрой воображения: медбрат увидел все отчетливо. Те глаза, черные как тушь, без единого блика, глубокие, словно черная дыра, в которой, казалось, притаился кровожадный зверь, готовый в любой момент броситься на него. Медбрат отошел далеко от кровати, боясь приблизиться хоть на шаг. Ему стало не по себе.

— Общий сюжет — 65%, прогресс личной линии — 30%.

— Что же сделает Го Цзян, чтобы доказать свою любовь к этой оболочке?

— Будет окружать тебя заботой, смотреть нежными, ласковыми глазами, носить на руках.

— У него такие большие руки?

— Преувеличиваешь, преувеличиваешь!

Сяо Хуан Шу чувствовало, что этот жалкий возлюбленный время от времени пытается подколоть его, и это его жутко раздражало. Но раз уж тот так предан своей профессиональной этике, можно простить ему маленькие слабости. К тому же, у него, Сяо Хуан Шу, широкая душа, не будет мелочиться.

— Так хочется вырвать сердце Го Цзяна и посмотреть, какого оно цвета, — равнодушно произнес Линь Мао, произнося жестокие слова.

— Он же самый важный подлец-соблазнитель, ему нельзя умирать! Даже если ты умрешь, он не должен.

— Я просто пошутил, чего ты так разволновался?

— Я же о тебе забочусь!

— Заботаешься обо мне? — глаза Линь Мао стали глубокими. — Ты что-то от меня скрываешь?

— Нет, нет, клянусь Божеством романов-драм! Все, что у меня было на душе, я тебе выложил. Никаких тайн. Мы же союзники, дорогой, милый, самый любимый мой жалкий возлюбленный.

— Надеюсь, что так!

— Обязательно!

Сяо Хуан Шу украдкой содрогнулось — оно чуть было не проговорилось. Хотя, возможно, если бы жалкий возлюбленный узнал правду, ничего бы не изменилось, но, учитывая печальные финалы его предшественников, лучше пока помолчать.

Линь Мао больше не спрашивал. Его ничуть не тяготила роль жалкого возлюбленного. По сравнению с реальностью, где он был заперт в четырех стенах и не мог даже выйти на улицу, здесь было куда лучше.

В этих книжных мирах он играл множество ролей. Он мог погрузиться в игру, а мог легко выйти из нее. А персонажи миров всегда оставались внутри сюжета. У него была возможность остановиться, а у них — никогда. Созданные автором, они имели свои статусы, характеры, мысли — все было прописано, как у марионеток на ниточках. Каждое их движение было на виду у читателей из реального мира, у них не было ни капли личной свободы, они были прозрачны, как на ладони. Если подумать, кто из них более жалок, сказать трудно.

Что касается жалости, то ее у Линь Мао не было. У него даже базовые человеческие чувства были в дефиците, иначе его не заперли бы в психиатрической больнице на принудительное лечение.

В последующие дни Го Цзян исполнял свое обещание: был внимателен к Линь Мао до мелочей, даже пробуя воду перед тем, как дать ему попить, чтобы она не была слишком горячей или холодной.

Линь Мао, лишенный семейного тепла, с детства жаждал привязанности. Именно поэтому он так легко влюбился в Лу Пэя, в Лю Синьцзэ. В конечном счете, он был слишком голоден до чувств, и малейшее проявление внимания со стороны других людей в его глазах раздувалось до невероятных масштабов.

Боль от предательства и обид, как и прежде, приходила быстро, но и уходила так же стремительно.

Полюбить Го Цзяна было лишь вопросом времени.

Прошел месяц с тех пор, как Линь Мао попал в больницу, кости срослись, и в этот день Го Цзян помог ему спуститься в больничный сад. Обычно Го Цзян много говорил, а Линь Мао молчал, но сегодня, когда они сели на каменную скамью, Го Цзян нахмурился и не разжимал бровей.

Линь Мао видел все заботы Го Цзяна, его сердце дрогнуло, и теперь он внимательно следил за лицом мужчины.

Заметив, что Го Цзян не в духе, Линь Мао спросил:

— Что случилось? Что-то произошло?

— ...Нет, ничего, все в порядке, — Го Цзян сначала вздрогнул, а потом поспешно отнекался, хотя выражение его лица совсем не соответствовало словам.

— Это ты сбил меня, но если говорить об ответственности, то половина лежит и на мне. Ты столько времени провел в больнице, ухаживая за мной, я очень благодарен. Думаю, теперь мы друзья. А раз друзья, то если у тебя действительно есть проблема, пожалуйста, расскажи мне. Я хочу помочь. — Линь Мао быстро оправился от душевной раны под неусыпной опекой Го Цзяна.

Глаза Го Цзяна расширились, он будто не верил, что эти слова произнес Линь Мао. Он всегда думал, что старается в одиночку, не ожидая взаимности. Оказалось, это не так. Линь Мао начал пытаться принять его.

Но...

Го Цзян опустил взгляд. Его беда была немалой, и он не хотел обременять Линь Мао. Это был человек, которого он любил, он не хотел выглядеть в его глазах неудачником.

— Так что случилось? — настаивал Линь Мао. Его взгляд был таким ясным и чистым, что Го Цзян не смог отказать.

— Проект по недвижимости, который я только что взял. Я уже внес полную оплату, собирался начать строительство, но вчера узнал, что этот участок по ряду причин непригоден для жилых домов, — Го Цзян выглядел подавленным.

— То есть ты купил бесполезную землю? — спросил Линь Мао.

— Да, развивать ее нельзя, только оставить как есть, в лучшем случае — под свалку. В компании есть другие проекты, но туда не привлечь инвестиции, пока земля висит мертвым грузом, а у меня огромный долг перед банком.

— Сколько именно?

— ...Три миллиона.

— Я одолжу тебе.

Го Цзян резко поднял голову:

— Что?

Линь Мао повторил:

— Я одолжу тебе денег.

— Это не маленькая сумма, Линь Мао, не шути так.

— Я не шучу, я серьезно. Когда тебе нужно?

— ...Если возможно, сегодня.

— Хорошо, я сейчас позвоню бухгалтеру, пусть переведет три миллиона на твой счет, — сказал Линь Мао.

Го Цзян застыл:

— Линь Мао...

Линь Мао мягко улыбнулся:

— Я верю в тебя, ты обязательно преодолеешь эти трудности.

— Спасибо, Линь Мао, правда, спасибо! — Го Цзян вскочил, схватил Линь Мао за руки, не в силах вымолвить ни слова от волнения.

Го Цзян дал номер счета, Линь Мао тут же достал телефон и при нем позвонил в бухгалтерию, приказав перевести три миллиона.

Вскоре на телефон Го Цзяна пришло уведомление о зачислении средств.

Го Цзян был вне себя от радости, в порыве чувств он обнял Линь Мао и поцеловал его в щеку, но тут же спохватился, решив, что оскорбил его, и принялся извиняться.

Линь Мао сказал, что не против, и попросил Го Цзяна идти заниматься делами компании.

Го Цзян попрощался и быстро ушел.

Линь Мао с улыбкой смотрел ему вслед, но как только фигура мужчины скрылась, улыбка на его губах застыла инеем.

— Раз он ушел, то не вернется?

— Верно. Как только ты умрешь, он вернется.

— Ха-ха!

— Общий прогресс — 70%. Любовник подлеца-соблазнителя Лу Пэя украл его тендерную документацию и передал конкурентам. Лу Пэя уволят из компании, а потом...

— А потом он приползет ко мне в слезах, говоря, что был слеп и на самом деле всегда любил только меня?

— Совершенно верно!

— Боюсь, он не знает, что у меня тоже не осталось денег!

— А как же акции твоей компании?

— У него аппетиты не такие уж маленькие.

— Конечно, иначе какой же он подлец-соблазнитель.

Словно подтверждая слова, появившиеся на титульном листе Сяо Хуан Шу, телефон в кармане Линь Мао завибрировал.

Он достал аппарат, но не ответил сразу, дав ему прозвонить семь или восемь раз, прежде чем нажать на кнопку.

— Алло? — Линь Мао удалил все контакты Лу Пэя, поэтому притворился, что не узнал голос.

— ...Линь Мао, это я.

Линь Мао узнал его. Его сломанная нога уже позволяла ходить, и он подошел к приоткрытому окну, глядя вдаль:

— Что случилось?

— Мы можем встретиться?

— У меня нет времени!

— Сяо Мао, я правда... я виноват перед тобой, я ошибся, правда, прости меня. Дай мне хотя бы шанс объясниться, хорошо? Я знаю, что ты все еще любишь меня. Дай мне еще один шанс, пожалуйста?

Линь Мао сжал телефон, его взгляд был мрачным:

— Нет.

Тот продолжал умолять о прощении, но Линь Мао, не желая больше слушать, сбросил вызов. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Подлец-соблазнитель номер один очень быстр!

— Сколько осталось?

— Полгода.

— Пятнадцать дней?

— Нет, четырнадцать. Если вычесть сегодняшний день, остается четырнадцать дней.

Однако события развивались вопреки ожиданиям Линь Мао. Телефон Го Цзяна молчал два или три дня. Выписавшись из больницы, Линь Мао поехал прямо в его компанию, но там ему сказали, что такого сотрудника у них нет. Линь Мао бродил по улицам, как в тумане. Он оскалился, пытаясь улыбнуться, но улыбка переросла в бесконечные слезы.

Прохожие косились на него с недоумением, некоторые тыкали пальцами. Линь Мао бесцельно слонялся по городу и на одном из перекрестков столкнулся с Лу Пэем.

Они сидели в кафе.

Они не виделись почти два месяца. Лу Пэй смотрел на Линь Мао и думал, каким же он был идиотом, что бросил такого хорошего, красивого и послушного любовника ради кого-то с такими сложными замашками. К счастью, думал Лу Пэй, еще не поздно.

Лу Пэй объяснил, что его связь с Ли Е была подстроена — тот все спланировал. В тот период у Лу Пэя были неприятности на работе, он напился в баре, и Ли Е воспользовался случаем. После проведенной ночи Ли Е показал ему удостоверение личности, и Лу Пэй ошибочно решил, что тот несовершеннолетний. Ли Е угрожал судом, и Лу Пэю не оставалось ничего, кроме как расстаться с Линь Мао и быть с Ли Е.

Теперь он знал, что Ли Е приближался к нему с умыслом — ради тендерной документации на десятки миллионов.

Лу Пэй даже встал с места, опустился перед Линь Мао на одно колено и поклялся небом, что подобное никогда не повторится и он больше не позволит Линь Мао пролить ни слезинки.

Он столько раз был предан и брошен — Лю Синьцзэ, Го Цзян... Линь Мао не знал, может ли еще верить Лу Пэю. Это был первый человек, которого он полюбил. Он думал, что судьба считает его слишком мягким, поэтому вечно издевается над ним. Кто знает, может, другие люди будут еще хуже Лу Пэя? И Линь Мао решил принять объяснения и извинения.

Лу Пэй уволился из своей компании и пришел работать в фирму Линь Мао, сразу заняв должность финансового директора. У Линь Мао был такой характер: как бы глубоко его ни ранили, если он снова возвращался и влюблялся, то отдавал себя без остатка.

Он доверял Лу Пэю безоговорочно, и именно поэтому всего за пять дней Лу Пэй почти полностью прибрал к рукам финансовую власть в компании. Он даже тайно напоил Линь Мао и заставил его подписать договор о передаче акций.

Когда Линь Мао узнал об этом, прошла уже неделя. Лу Пэй, как крупнейший акционер, вышвырнул Линь Мао из совета директоров. Когда Линь Мао пришел в офис, охрана не пустила его даже на порог.

На этот раз Линь Мао действительно был разочарован и раздавлен.

Он стоял на светофоре, и когда на большой скорости проезжал груженный грузовик, он, не раздумывая, бросился прямо под колеса.

Линь Мао отбросило на несколько метров, раздался резкий визг тормозов.

Все кости в теле взвыли от боли, под ним быстро расплзлась лужа крови. Линь Мао медленно закрыл глаза. Этот мир, эти люди — больше не имели к нему никакого отношения.

— Поздравляю!

— И тебя с тем же!

— Хи-хи-хи, я повысилось до уровня В, могу создать для тебя тело, срок действия — три дня.

— Такое же, как было?

— Да, в той же оболочке интереснее.

— Верно! — Линь Мао в состоянии души и Сяо Хуан Шу парили над местом аварии.

Звуки сирен полицейских машин и скорой помощи приближались, вскоре они оцепили улицу.

Разбитое тело Линь Мао лежало в морге, рядом стояли его родители и яростно спорили.

Они обвиняли друг друга.

Один говорил: — Да ты, мать твою, только и знала, что гулять на стороне, заводить любовников, домой не возвращалась, неделями тебя не было видно! Теперь вот, сын погиб, давай, пусть твой любовник родит тебе еще одного!

Другой отвечал: — А ты думаешь, сама лучше? То в Гонконг, то в Америку, шкафы ломятся от одежды, сумок и обуви — когда ты успеваешь это носить? А косметика? Каждый день мажешь на себя тонны, думаешь, стала богиней? Все равно рожа страшная. Ты свое лицо ценишь больше, чем Сяо Мао. Я, как отец, безответственен, но ты ничем не лучше, мы стоим друг друга!

Их бесконечная ругань была невыносима даже персоналу, который вышел и остановил их: — Это морг, ваш сын здесь лежит, вы не можете дать ему покоя?

Они наконец замолчали, но продолжали сверлить друг друга ненавидящими взглядами.

Вскоре в морг вошли несколько врачей в белых халатах. Они подошли к телу Линь Мао и начали выдвигать каталку.

— Эй, вы что делаете? Куда вы везете моего сына? — отец Линь Мао схватил одного из медиков за руку и закричал.

<http://bllate.org/book/22143/2307052>